

Папина вдова

«Солнышко! Спасибо тебе за теплые слова. Всегда вспоминаю и пишу ваши имена "за здоровье", когда бываю в церкви. К сожалению, так недолго мы были рядом, совсем мало смогла сделать для тебя, а теперь мы так все далеко друг от друга. Понимаю, что я, наверное, никогда твоих деток не увижу, как было когда-то с тобой. Пиши мне, Диночка, радуюсь за тебя и молось!»

– Надо спросить у батюшки, как правильно себя вести с этой женщиной. Истории этой уже больше четверти века, мы с Ланой знакомы уже больше 10 лет, а я все не пойму, что правильно, – размышляла Дина, получив очередную весточку от Ланы.

Елена, мама Дины, встретив ее будущего отца, также долго не могла решить, тот ли это человек. Уж слишком разными были их круги общения, нигде раньше они не пересекались, хотя и жили по соседству. Засидевшись в девках, Елена целиком отдавалась любимой больнице и не помышляла о замужестве. Робик стал «бегать» за ней с тех пор, как она возвратила его к жизни после несчастного случая; неотступно в течение семи лет встречал ее везде, дарил цветы и конфеты, познакомился с ее окружением. Настойчивость кавалера и внимание к ее умиравшей матери сделали свое дело: Елена впервые в жизни пошла в ЗАГС.

Первая ссора молодых случилась на выходе из Дворца бракосочетаний. Во время скромной церемонии, когда чиновница утвердительно обратилась к невесте: «Вы же не станете менять фамилию *такого* рода на мужнину?» – молодого мужа перекосило. Сравнение его крестьянского происхождения с семьей его супруги, происходившей из древнего рода грузинских придворных, сильно зацепило мужчину.

Ревновал Робик тоже с первых дней и даже тогда, когда она была беременной.

– Что за машина там сигналит, Элен? Тебя что ль вызывает? Почему под нашим окном?

– С чего это ты так причепурилась? На свидание идешь? – провожал он ее на очередной вызов к частному пациенту.

«Наверное, уж слишком независимой была мама, – думала Дина, слушая рассказы матери о ее семейной жизни. – Мужчине было мало места рядом с ней. Может, независимость и самостоятельность жены и порождают в мужчине желание искать другую?»

– Понимаешь, мне было неловко: вышла замуж в сорок лет, родила и на тебе – развожусь. Чем думала, когда замуж шла? Я старалась сохранить семью, хотела, чтобы у тебя был отец, – застенчиво объясняла Дине мама. – Думала: потерплю, и он изменится.

Робик изменялся. Особенно после поездок, куда всегда ездил один. После командировки в Цхинвали, куда его направили проверять школу искусств, жизнь семьи изменилась окончательно: поездка обернулась предложением о работе, которым папа не замедлил воспользоваться, но жену с дочерью с собой он не взял. Папу 3-летняя Диночка стала видеть, когда он приезжал на выходные. Девочке наняли няню, мама вышла на работу, жизнь, казалось бы, налаживалась..

– А можно Робика? – томно произнес женский голос в трубке телефона вечером, примерно, через полгода с начала жизни Робика на два дома.

– Кто спрашивает? – поинтересовалась мама Дины.

– Жена, – последовал уверенный ответ.

Елена, не сдерживаясь, объяснила звонившей особе, кто именно жена Робика и как народ называет таких, как эта женщина. Словом, супруги развелись, а звонившая (это была Лана) стала именоваться в разговорах Елены «этой женщиной».

Елена работала как вол, чтобы «у ребенка все было», как и большинство мам-разведенков, подсознательно стремящихся откупиться за лишение отца. Робик помогал «бывшей», однако меньше и меньше, а лет через пять и совсем перестал высылать ей деньги. Четырехлетняя Диночка тосковала по папе и спрашивала, почему он не приезжает, а мама объясняла разлуку тем, что папа теперь сильно занят. Девочка стала непослушной, прятала и уносила чужие вещи, а однажды бросила ботинок в суп в доме бабушки с бабушкой, родителей отца.

Тетке, пришедшей навестить ее с подарками, Дина, надув губы, выдала: «Я не люблю мамиду (досл. - сестра отца, груз.)» С тех пор тетка больше не появлялась, считая, что девочку подучили. Развод не может быть красивым априори, как и любой разлом. А могут ли дети стать «бывшими»?

По субботам Елена читала лекции на кафедре клиники, где работала, а девочка была на попечении ее коллег. Однажды с криком «Папочка-а-а!» она бросилась к мужчине, сидевшему у завкафедрой. Мужчина обнял девочку и посадил к себе на колени, у коллег навернулись слезы. Гость был удивительно похож на ее папу, и было решено, что он станет крестным Диночки. Так 4-летняя Диночка стала православной.

Друзья и знакомые приносили «на хвосте» новости о встречах с Робиком и «этой женщиной», обсуждали рождение «там» детей, не стесняясь присутствия Дины. Шло время, новости менялись, менялось и отношение Дины к отцу и бабушке с бабушкой, в гости к которым ее больше не забирали, хотя они по-прежнему жили по соседству.

Вечерний звонок никого не радует, особенно если на втором конце трубки – «бывшие» родственники. Это звонила тетка, чтобы известить о гибели дедули Диночки. Много лишнего наслушалась девочка-подросток за прошедшие годы, да и пубертат играл свою роль: девочка не хотела идти. Пришлось сестре ее мамы сопровождать Дину на панихиду в дом бабушки.

Отец раскрыл объятия со словами:

– Ты моя дочь, моя кровь, почему ты не приходишь ко мне?

– Я не хожу к тем, кто меня не зовет! Ты не любишь меня, а то не ушел бы от нас! – последовал резкий ответ.

Отец побледнел, люди зашептались, а Дина, подавив слезы, направилась к двери. Ей навстречу шла «эта женщина», Лана, с вопросом: «Робик, а где точильный камень?» Сцену прервала тетка, прошепавшая: «Какой еще камень тебе нужен сейчас, дрянь?!» С чувством победителей они покинули «территорию врага».

Справедливости ради стоит упомянуть, что Елена старалась упоминать об отце, рассказывая, как он гордится уже подростковой дочкой, как всем показывает ее фото. На шестнадцатилетие Дины от отца пришел перевод на 100 рублей, на которые был куплен кассетный магнитофон по выбору Дины. Еще мама говорила: «Помни, девочка, у тебя есть два брата, Давид и

Михаил, родная кровь». Дина не могла понять, зачем ей знать о каких-то там мальчиках, которых, скорее всего, она никогда не увидит, однако мать подчеркивала: «Неисповедимы пути Господни, вы можете где-то встретиться. Как бы не случилось любви между вами!»

Человек предполагает, а Бог располагает все так, как должно, чтобы исправить нас, смягчить и научить принимать других людей.

За следующие 15 лет Дина успела «сбегать» замуж, и пережить развод, и потерять ребенка. Пережив утраты, произраставшие из несдержанности, торопливости и сплетен «болельщиков», Дина вынесла уроки: хочешь добиться чего-то, оставь попытки перекроить мир под себя, изменяя свое отношение к людям. Там, где планируются и решаются наши судьбы, видимо, решили, что Дина готова к новой встрече с родней.

– Диночка, папа умер. Панихида сегодня, завтра похороны из дома бабушки. Ты адрес помнишь? – сказала мамидя в трубку, плача.

– Да. Я приду, – через «не могу» ответила Дина и положила трубку.

Идти на подъем Мтацминды (дословно «святой горы» - груз.) было нелегко – в лицо бьет ледяной ветер, пробирая до костей, дорога обледенела.

– Мишенька, Датошенька, это ваша сестра! – произнесла почти седая худенькая женщина, сидевшая на месте чирисупали [досл. "несущий бремя горы" - груз.] рядом с мамидой. Ошибки быть не могло – это она, «эта женщина» - Лана. Дина села рядом с ней, определив свое место безошибочно. Минуты на три повисла неловкая тишина. Двое высоких парней отделились от мужчин, стоявших вдоль стены, и подошли к сидящим женщинам.

«Братья», – пронеслось в голове Дины. Старший, Михаил, был сильно похож на папу, каким она его помнила, небрит, по традиции (согласно кавказским традициям мужчины в горе не бреются до сороковин) и бледен. Младший, Давид, сразу растворился в потоке входящих; как оказалось потом, ему стало дурно от потрясения.

– Сестра?! – протянул Михаил. – Какая сестра?

– Да, Мишенька, у папы была первая жена, и это ее дочка, ваша родная сестра, – ровным голосом продолжила Лана.

Вот это поворот! Мало того, что их познакомило горе, так еще и выясняется, что от ребят скрывали существование сестры. Сидя рядом с Диной, Лана начала шепотом рассказывать, что все фото того периода, когда Диночка приходила в этот дом, были уничтожены, а детям решили не рассказывать ни о чем, надеясь, что, став взрослыми, они сами все поймут и отыщут друг друга. С другой стороны от Дины сидела мамидя и расспрашивала, как живет Дина, ее мать, кем девушка работает. Дина, пытаясь собрать воедино свое разбитое сознание, механически отвечала на вопросы.

На отпевании, когда все присутствующие стали вторить молитве, Дина испытала катарсис. Слезы хлынули прямо из ее души, освобождая ее от боли и обиды, смывая все глупые разговоры, оставляя место прощению. Остались только жалость к уходящему навеки папе и сочувствие к братьям, которые, еле удерживаясь от слез, старались не опозориться. К Лане пока не было ни обиды, ни интереса – только усталость. Домой Дина вернулась совершенно опустошенная, не было сил разговаривать. Похороны принесли еще одно потрясение: когда дети Робика встали рядом у его могилы, народ ахнул – как они похожи, одно лицо! Родители могут разводиться и вновь жениться, а родная кровь берет свое.

На келехе (помины по-грузински) тосты содержали осторожные упоминания о первой жене покойного; было очевидно, что с Диной стремились подружиться. После того, как гости разошлись, Дина предложила Лане помощь в уборке, чисто человечески сочувствуя ей. Лана не

отказалась, начала знакомить своих подруг с падчерицей, и Дина случайно уловила ее слова: «В ней нет ни капли злости! Какая девочка...»

Постепенно, как в мозаике, складывались новые кусочки жизни. Оказалось, что Лана не возражала против визитов маленькой девочки, дочки от первого брака мужа, но однажды ей устроили скандал, запретив «этой» общаться с ребенком. Тема размера алиментов тоже прояснилась: зарплаты Робика стало катастрофически не хватать, когда появился второй ребенок в другом браке. Зарплата учителей в районной школе искусств была мизерной, да трое детей, на которых делился весь доход папы, вот и уменьшились алименты. Мало-помалу у Дины сложилось понимание простой истины: не бывает у медали одной стороны. Усилия родных уберечь девочку от ненужного контакта с отцом привели к полной потере контакта. Обида на «эту женщину» породила обиду на «бывшую» – вот и уничтожили все фото дочери отцовские родственники.

– Теперь все пойдет иначе, – решила Дина. – Лана точно пытается искупить вину. Папы больше нет, зато у меня теперь есть два брата, и это важно.

– Познакомь меня с мальчиками, – попросила ее мама, и Дина с радостью пригласила ребят в гости. Они обедали, смотрели фото из семейного альбома. Им было так же неловко, как и ей в их доме, они были сдержанны, но старались быть деликатной, слабой лишь укрепляет ее позиции. «От нее точно есть, чему поучиться», – думала Дина и продолжала общение. А если она брала паузу, Лана сама звонила ей или звонил брат. Так прошли сорок дней, потом – лето, а осенью младший братишка уехал на заработки в Штаты.

Лана все более тепло встречала падчерицу, старалась приготовить для нее кофе покуснее («Ты любишь его, как твой папа!»), порадовать сувенирами и узнать побольше о ее предпочтениях. Дина узнавала много нового об «этой женщине», убеждаясь в том, что умение женщины быть деликатной, слабой лишь укрепляет ее позиции. «От нее точно есть, чему поучиться», – думала Дина и продолжала общение. А если она брала паузу, Лана сама звонила ей или звонил брат. Так прошли сорок дней, потом – лето, а осенью младший братишка уехал на заработки в Штаты.

Мама Дины скончалась, не дожив до годовщины бывшего всего пару недель. Горе, как оказалось, примиряет и сближает всех. Лана, как раньше Дина, без предупреждения появилась на панихиде по ее матери, заняла место недалеко от нее и заплакала. «Мама, посмотри, пожалуйста, посмотри, как все повернулось! Видишь ли, кто пришел тебя оплакивать, могла ли ты подумать о таком?» – думала Дина, рыдая у гроба. Действительно, никто из ее близких и помыслить не мог, что «эта женщина» будет сидеть у гроба Елены, выражая свое соболезнование падчерице.

Годовщину отца они отметили вместе. Как родные, отметили сороковину ее матери, на которую Датошка, уже устроившийся в Нью-Йорке, прислал деньги. Перед отъездом Ланы в Штаты Дине захотелось сделать ей прощальный подарок – колечко с бирюзой, символ дружбы и верности. Только вот называть «эту женщину» папиной женой Дина не могла, уж слишком нелепо это было. Какая жена, когда его уже нет? И женой была ее собственная мать, которой тоже уже нет. Так и окрестила ее в уме и для всех – *папина вдова*.

– Главное, все, что делаешь, основывать на прощении и любви, тогда все будет правильно, – ответил отец Димитрий на вопрос Дины, который она все-таки задала батюшке через 10 лет общения с Ланой. – Что было, то было, не нам судить. Исправить ошибки мы можем только любовью, по мере сил проявляя ее.

Нино Чикобава